

Разговорились промеж собой две девки:

— Как ты, а я, девушка, замуж не пойду!

— А что за неволя идти-то! Ведь мы не господские.

— А видала ль ты, девушка, тот струмент, каким нас пробуют?

— Видала.

— Ну что же — толст?

— Ах, девушка, право, у другого толщиною будет с руку.

— Да это и жива-то не будешь!

— Пойдём-ка, я потычу тебя соломинкою — и то больно!

Поглупей-то легла, а поумней-то стала ей тыкать соломинкою.

— Ох, больно!

Вот одну девку отец приневолил и отдал замуж. Оттерпела она две ночи и приходит к своей подруге:

— Здравствуй, девушка!

Та сейчас её расспрашивать, что и как.

— Ну, — говорит молодая, — если б я знала-ведала про это дело, не послушалась бы ни отца, ни матери. Уж я думала, что и жива-то не буду, и небо-то мне с овчинку показалось!

Так девку напугала, что и не поминай ей про женихов.

— Не пойду, — говорит, — ни за кого, разве отец силой заставит, и то выйду ради одной славы за какого-нибудь безмудого.

Только был в этой деревне молодой парень, круглый бедняк. Хорошую девку за него не отдают, а худой самому взять не хочется. Вот он и подслушал ихний разговор. «Погоди ж, — думает, — мать твою так! Улучу время, скажу, что у меня кляпа-то нет!»

Раз как-то пошла девушка к обедне, смотрит, а парень гонит свою худенькую да некованую клячу на водопой. Вот лошаденка идёт-идёт, да и споткнётся, та девка так смехом и заливается. А тут пришлась еще крутая горка, лошадь стала взбираться, упала и покатила назад. Рассердился парень, ухватил её за хвост и начал бить немилостливо да приговаривать:

— Вставай, чтоб тебя ободрало!

— За что ты её, разбойник, бьёшь? — говорит девка.

Он поднял хвост, смотрит и говорит:

— А что с ней делать-то? Теперь бы её есть да есть, да хуя-то нет!

---

Как услышала она эти речи, так тут же и уссалась от радости и говорит себе: «Вот Господь даёт мне жениха за мою простоту!» Пришла домой, села в задний угол и надула губы. Стали все за обед садиться, зовут её, а она сердито отвечает:

— Не хочу!

— Поди, Дунюшка! — говорит мать. — Или о чем раздумалась? Скажи-ка мне.

И отец говорит:

— Ну что губы-то надула? Может, замуж захотела? Хошь за этого, а не то за этого?

А у девки одно в голове, как бы выйти замуж за безмудого Ивана.

— Не хочу, — говорит, — ни за кого; хотите — отдайте, хотите — нет за Ивана.

— Что ты, дурища, взбесилась али с ума спятила? Ты с ним по миру находишься!

— Знать, моя судьба такая! Не отдадите — пойду утоплюсь, не то удавлюсь.

Что будешь делать? Прежде старик и на глаза не принимал этого бедняка Ивана, а тут сам пошёл набиваться со своею дочерью. Приходит, а Иван сидит да чинит старый лапоть.

— Здорово, Иванушка!

— Здорово, старик!

— Что поделываешь?

— Хочу лапти заковыривать.

— Лапти? Ходил бы в новых сапогах.

— Я на лыки-то насилу собрал пятнадцать копеек; куда уж тут сапоги?

— А что ж ты, Ваня, не женишься?

— Да кто за меня отдаст девку-то?

— Хочешь, я отдам? Целуй меня в самый рот!

Ну и сладили. У богатого не пиво варить, не вино курить; в ту ж пору обвенчали, отпировали, и повёл дружка молодых в клеть и уложил спать. Тут дело знакомое: пронял Ванька молодую до руды, ну да и дорога-то была туды! «Эх я, дура глупая! — подумала Дунька. — Что я наделала? Уж ровно бы принять страху, выйти бы мне за богатого! Да где он кляп-то взял? Дай спрошу у него». И спросила-таки:

— Послушай, Иванушка! Где ты хуй взял?

— У дяди на одну ночь занял.

— Ах, голубчик, попроси у него ещё хоть на одну ночьку.

---

Прошла и другая ночь; она опять говорит:

— Ах, голубчик, спроси у дяди, не продаст ли тебе хуй совсем? Да торгуй хорошенько.

— Пожалуй, поторговаться можно.

Пошёл к дяде, сговорился с ним заодно и приходит домой.

— Ну что?

— Да что говорить! С ним не столкнешься, 300 рублей заломил, эдак не укупишь; где я денег-то возьму?

— Ну сходи попроси займы ещё на одну ночьку; а завтра я у батюшки выпрошу денег — и совсем купим.

— Нет уж, иди сама и проси, а мне, право, совестно!

Пошла она к дяде, входит в избу, помолилась Богу и поклонилась:

— Здравствуй, дядюшка!

— Добро пожаловать! Что хорошего скажешь?

— Да что, дядюшка, стыдно сказать, а грех утаить: одолжите Ивану на одну ночьку хуйка вашего.

Дядя задумался, повесил голову и сказал:

— Дать можно, да чужой хуй беречь надоть.

— Будем беречь, дядюшка, вот те крест! А завтра беспрременно совсем у тебя его купим.

— Ну присылай Ивана!

Тут она кланялась ему до земли и ушла домой. А на другой день пошла к отцу, выпросила мужу 300 рублей. И купила она себе важный кляп.